

Журнал "Вокруг света"

№ 10, 1968

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 10, 1968 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58092-2

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58092-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Молодость этих людей совпала с молодостью комсомола — боевого авангарда нашей молодежи, верного помощника и надежного резерва Коммунистической партии в борьбе за торжество ленинского дела, за победу коммунизма.

Такие, как они, по призыву партии сражались в гражданскую войну, строили вместе со всей страной наши первые промышленные гиганты, создавали мощный флот и авиацию, охраняли наши границы, защищали Родину в трудные годы Великой Отечественной войны, исследовали недра и открывали богатейшие месторождения, и учились, учились, чтобы двигать вперед советскую науку...

Мы попросили наших гостей рассказать о днях их комсомольской юности.

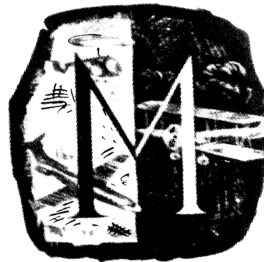
...Вторую строящуюся домну Магнитки решили назвать «Комсомолкой». Здесь работали лучшие из лучших. Сюда приходили с других участков, чтобы просто посмотреть на акробатов-верхолазов. А те невозмутимо восседали между небом и землей (кауперы, к примеру, приходилось клепать почти в ста метрах над землей), и ни дождь, ни штормовой ветер не могли согнать их с высоты. Лишь в конце дня, выполнив суточный план, верхолазы спускались вниз и шли в контору. Здесь передовикам вручали особые талоны, которые давали право сидеть в середине обеденного зала, за специальными столами ударников. В столовой встречало объявление-меню:

1. Суп мясной, каша чпшенная.
2. Борщ краснофлотский, рыба жареная. Ударникам — по выбору и вне очереди!

Продрогших музыкантов Магнитки и волжские стужи 1955 года, когда вступала в строй Волжская ГЭС имени В. И. Ленина, я с особой нежностью вспоминал уже недавно на берегах Нила. Пустынный зной, казалось, готов был расплавить пески, в которых работали строители Асуана. Теперь уже отчаянная жара экзаменовала и новую советскую технику и самих гидростроителей...

...Двадцатипятитонные самосвалы, урча, подставляют кузова под огромные ковши экскаваторов. Бульдозеры полируют песчаные поля, играючи передвигают горы грунта. А у меня встают перед глазами веселые ребята-катали, бегущие со своими тачками. Три десятилетия пролетели, словно лента в кинематографе.

А если бы мне вдруг сегодня вручили комсомольскую путевку? Я принял бы ее с восторгом и поехал бы вновь строить — куда угодно... Жаль, правда, что ни один комитет комсомола не может сбавить нам, старым комсомольцам, хотя бы четверть века...

Н. СОКОЛОВ-СОКОЛЕНКО,
генерал-лейтенант авиации

ы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с «завистью» смотрели на героев, которых давал тогда комсомол,

— так Сергей Миронович Киров говорил о тех, кто уже в 17—19 лет в трудные годы гражданской войны становились командирами и комиссарами полков и дивизий. О том времени, когда никто не удивлялся этому. И когда память ставит тебя в строй тех лет девятнадцатилетним комиссаром, снова видишь молодых командиров полков — Василия Чуйкова и Аркадия Гайдара, комдива, московского комсомольца Альберта Лапина и многих, многих других...

Но кончилась гражданская война. И нас, вчерашних бойцов и командиров, партия призвала учиться. Учиться строить коммунизм. Учиться защищать его.

Страна начала создавать свой воздушный флот, и был брошен призыв: «Комсомолец — на самолет!» Я попросил направить меня в академию Жуковского, чтобы получить высшее инженерное и общее образование.

Тогда мы нашу учебу называли на военный лад походом в науку. Но это был скорее какой-то отчаянного темпа марш-бросок в науку. Преподаватели не делали никаких скидок на прошлые заслуги: перед лицом науки были равны все. Вспоминаю такой случай. Сдавал я — это было под Новый год — экзамен по дифференциальному исчислению. Короткий диалог с профессором. Вроде все в порядке. Еще одна «перебежка» — и можно сказать, что я в «мертвом пространстве»... И тут неожиданно «фланговый» вопрос. Из области чуть ли не школьного курса тригонометрии. «Окопался» я, молчу.

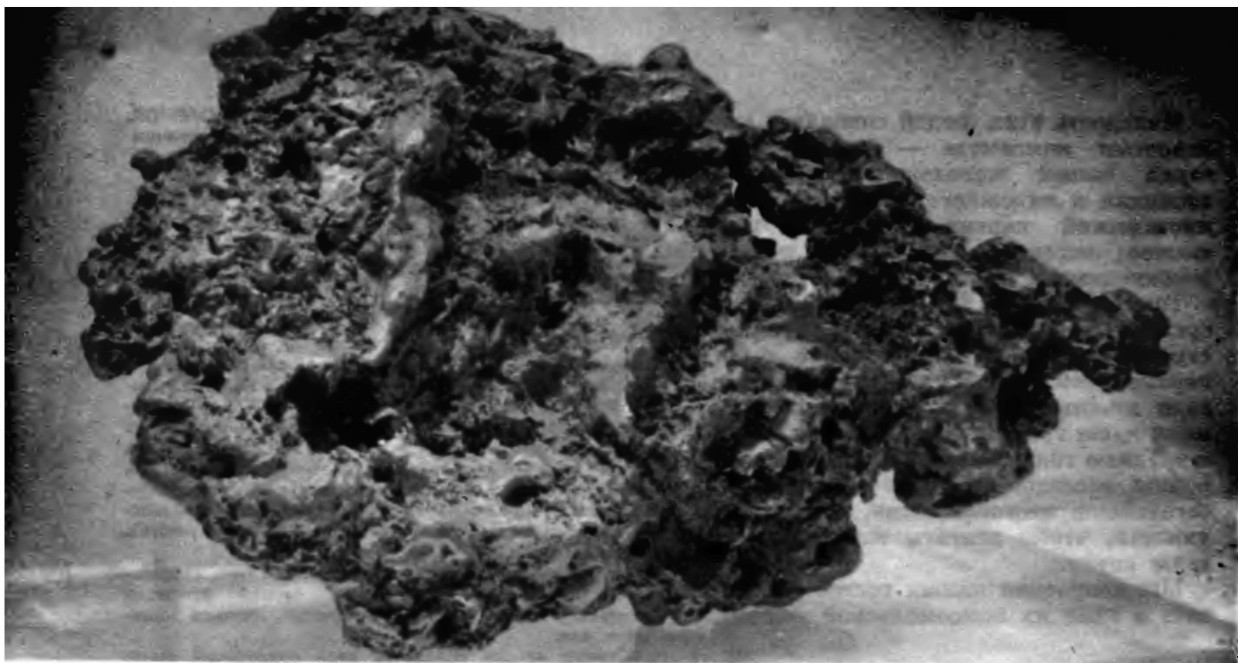
— Садитесь, — говорит профессор. — Кола ставить не буду — все-таки два ордена на груди. Даю вам полгода на подготовку. Через полгода будете сдавать мне весь курс тригонометрии. Сдадите — через неделю спрошу весь курс дифференциального исчисления...

Эти полгода я спал, как сейчас помню, по шесть часов раз в трое суток.

Так проходил наш бой за науку. Мы вышли победителями: в огне Великой Отечественной проверялись потом и наши знания и наше умение...

...Сейчас я могу только смотреть в небо или быть пассажиром в небе. Но белоснежная полоса уходящего в стратосферу самолета для меня и моих сверстников — это след великого похода к вершинам знаний, который не кончится никогда.

Ю. ЛЕКСИН, наш спец. корр.

ЗОЛОТО, КОТОРОЕ Я ВИДЕЛ

Пусклым раскаленным камнем всходит красное обмороженное солнце. Подо мной два этажа якутской гостиницы и вечная мерзлота. Сколько ее? Сто? Двести метров? Красный камень солнца не движется за окном.

Во мне оживает голос моего соседа. Он уехал вчера, сейчас опускает где-нибудь в мерзлоте крупные гирлянды термометров, смотрит на датчики. В этом его работа, он младший научный сотрудник института мерзлоты, составляет карту температур «сфинкса».

Он рассказывал о мерзлоте в темной комнате, ночью. Так рассказывают страшные сказки. Страшные и не очень.

— Тут во дворе, в университете, дыра есть, —

кровать его закрипела в темноте. — Музейная дыра. Ее всем показывают.

— А что там, в дыре? — не утерпел я.

Видите ли, я с детства верю: если уж в сказке есть дыра, то в ней что-то должно быть. Это уж точно.

— Один купец давно когда-то хотел мерзлоту пробить, воду достать из-под нее. Колодец рыл.

Я представил дыру черной, без дна, и сразу увидел, как черноту земли обсыпает мертвенным светом изморозь. Голубые иглы переливаются, подмигивают купцу. Они не тают под застывшими пальцами, только мерцают.

— Ну вот, рыли они, рыли... Вручную. Сто чтырнадцать метров прошли. И разорился купец. Посчитал, что у него осталось, глянул последний раз в дыру. «Идите, — говорит рабочим. — Нет под этой землей земли. Оттого и церкви на ней не стоят, валятся». Так и не пробил купец мерзлоту.

Раздался ли в это время жуткий смех Хозяйки Медной горы — не знаю. Похоже, это могло случиться. «Что, купец, не выходит твой колодец?!» — И заструилась инеем, пропала.

...Вот так же не выходил мой рассказ об этой земле. Увиденное рассыпалось, не хватало какой-то нити. Но она, конечно, нашлась.

Суол! Дороги в этот золотой край — вот что объединяет здесь все! Дороги рек, дороги к золоту, к людям и от людей. Суол! По-якутски след, дорога.

«ТЕР ИЗ Э ВЕРИ ГУД ГОЛД ИН ТЗИС РИВЕР»

По-видимому, это единственный случай, когда помогло незнание языка, вернее, то чувство сожаления, которое сопутствует незнанию. Когда-то, увидев эту фразу в книге, я нарочно долго не читал перевод. Хотелось с минуту побыть тем старателем, который наткнулся на клочок бумаги с этими странными словами. Я был на месте дрожащего от золотой лихорадки старателя: будто вместе с ним сорвал записку с ветки на речке Утиной, вертел ее так и смяк и уже знал, что в ней говорится о золоте («голд!»). Но все остальное оставалось тайной. И именно на это рассчитывал писавший. Кто он?

...Шел 1928 год. На Колыму пришла первая экспедиция геологов. Осенью недалеко от Среднекана Билибин, очень «молодой человек» (так и звали его), два года как окончивший Ленинградский горный институт, разделил экспедицию: продолжать путь вместе не имело смысла — ушло время, приближалась зима, а хорошего золота не попадалось. Не было его и в устье Утиной, куда ушел Раковский со своим спутником.

Это случилось вечером 12 июня.

Можно было уже укладываться спать. Мешало только отчаяние, оно накопилось за много дней. «Неужели так ничего и нет! Ведь знаки! Везде есть знаки золота!» Раковский взял лоток и пошел к речке. Его спутник, ставивший палатку, видел, что вел он себя странно. Быстро промыв один лоток, Раковский отбегал дальше по берегу и снова мыл, потом вскакивал и бежал дальше, и снова возвращался, будто не верил глазам, рукам.

— Золото!!!

На ладони лежало золото. Раковский замер. «На лоток почти два грамма! Значит, в кубе... Двести граммов в кубометре!»

В эту ночь не было сна. Раковский закрывал глаза и видел золото: в речке, на берегу — даже не под землей, а на поверхности, рядом! Он с улыбкой закрывал глаза, заглядывал в себя, как в чужого, и ждал: что может случиться там, внутри?.. Ничего! Никаких признаков золотой лихорадки, о которой столько надолдонили люди. Он только был счастлив, и ему была неприятна ночь. Она помешала опробовать весь участок, ведь золото могло быть случайным, наносным; а ночь тянулась медленно, будто не собираясь кончаться. И еще он немного побаивался кого-то чужого, постороннего, кто мог бы прийти сейчас к их палатке. Но этот страх был уж совсем пустой. Кто знает о золоте здесь?

И вдруг он приподнялся как от шороха: «А что, если мы не первые?» Он тихонько окликнул спутника. Тот не ответил. «Спит!» Раковскому стало почему-то нестерпимо весело.

Рассвет все-таки начался и застал геологов в реке. Сквозь воду Раковский протянул руку и взял его, как рыбу, осторожно, боясь спугнуть. Это был первый самородок! Через несколько часов коробка от «Казбека» (они даже не взяли мешочек, хотелось все время видеть каждую золотинку) была полна.

— Ты б поверил? Там, на материке?.. Вот сказал бы кто, что будем собирать так, прямо в коробку? — Раковский рассмеялся и оглянулся. Он отшатнулся...

Его спутник смотрел ему в глаза каким-то чужим взглядом, прямым и жестким. Они так и стояли — по колена в реке, в трех шагах — и смотрели друг на друга.

— Ты что? — выдавил, наконец, Раковский. И тут же ему захотелось сделать вид, что он, собственно, ничего не заметил. Он попробовал и не смог. Тогда он шагнул навстречу, и будто этого шага ждал его спутник — он заговорил:

— Сережа! Это раз в жизни. Не будет... Больше ничего не будет, — он путался и никак не мог пробиться к тем словам, которые хотел сказать. Наконец он пробился к ним. — На Утиной нет золота. Больше нигде нет. Мы ведь с тобой знаем. Придем сюда стараться. Придем? Никому не скажем... Никто не узнает, — и весь погас.

— Дур-р-рак! — Раковский крикнул и понял вдруг, что все не так уж страшно, как ему только что казалось. Он даже попытался улыбнуться.

— Ты ничего не говорил, а я ничего не слышал. Понял?!

Они сели. И оба услышали шум реки. Раскачивались лиственницы... Молчали.

Надо было возвращаться, оставалось мало продуктов. Они стали обсуждать это спокойно и коротко, словно ничего не случилось. Да и случилось ли? Только Раковский видел, что спутник его стыдно и он слишком оживлен.

Больше они никогда об этом не вспоминали, целые годы...! А сейчас сидели над рюкзаками и

¹ «К чести этого человека, надо сказать, что из него вышел один из прекрасных, добросовестных разведчиков, и он, вероятно, сам не раз с краской стыда вспоминал об этой минуте слабости». Так пишет в своей книге геолог Б. И. Вронский, проработавший на Колыме четверть века. Интересно и другое. Современные геологи Колымы, рассказывавшие эту же историю мне, не называют фамилии этого человека, хотя, конечно же, знают ее: «История учит многому, поэтому ее должен знать каждый геолог — да и не только! А фамилия? Зачем она?» Нет ее и в книге Б. Вронского. — *Прим. автора.*

думали вслух о том, как дать знать Билибину о золоте на Утиной; Билибин плыл следом за ними. Ведь легко может что-нибудь случиться, когда они будут сплывать по Колыме к базе. Билибин должен знать о золоте.

Раковский вырвал лист из блокнота. «В этой речке очень хорошее золото», — написал он. Прочли вместе. «А в чьи руки попадет записка?» Раковский скомкал лист и вывел на другом крупными русскими буквами: «Тер из э вери гуд голд ин тзис ривер».

Так родилась дорога к золоту Колымы.

...Странно, но теперь здесь не говорят о золоте. О чем угодно, а о нем редко, только к слову. А вообще-то ничего странного. Разве говорят в Донбассе все время об угле? Или на Урале о малахите? Другое дело — дороги, все те же дороги — к золоту...

ПО НАЛЕДЯМ

Михаил прошел тысячу сорок четыре километра. От самого океана — от Магадана. Если он не пройдет еще семьдесят, на прииске «Юбилейном» не будет маринированных огурцов, не хватит спичек. «Бывало и хуже», — сказал бы он. Но он не думал об этом.

Спички забросят весной вертолетом. К тому же есть еще и Ольчанский перевал, весна может не скоро закрыть его. А огурцы не взрывчатка.

Но и об этом он не думал.

Если он не поедет сегодня, завтра пойдет его сменщик. И он завалит где-нибудь машину, так уже было однажды. «Зачем поминать? — отрезал бы Михаил. — А ты еще не падал? Здесь упадешь».

Но ему никто не напоминал об этом. Он должен был все помнить и решить сам...

За поселком, где было еще шоссе, Михаил остановил фургон. И не посредине дороги, где ехали, а на обочине — значит, надолго! Он думал. Занятие это он, кажется, уважал. Помешкав, потянул ручную и забыл на нем руку. Так и сидел. Впереди были горы, налево — поворот на Индигирку.

— Эх! Хотел я тебе перевал показать! — И умолк.

Он уже и вправду думал, что к перевалу его звало желание показать мне Ольчан, и верил в это. Путь до «Юбилейного» через горы был вдвое длиннее, по реке — вдвое опаснее...

— Ну что? По наледям, что ли?

И тут я ошибся. Думал, что это вопрос, и ему нужна поддержка во мне, ведь он боялся ехать по реке...

— Давай по наледям, — посоветовал я.

А он и не слышал, хотя и глядел на меня. И не мои слова решали.

— Ну, по реке, так по реке, — фургон дернул нас, и мы оба клянули головами. — Будем героями, если раньше со страха не помрем.

Колеса на спуске к реке баюкала машину — фургон качал нас. Вышли на лед, фургон за спиной не отзывался — так было ровно. Цвет дороги невозможно было уловить, как цвет моря. Два бесконечных белых полотнища снегов устлала Индигирку и уходила в горы, чтобы накрыть их; а посредине, деля снега, улетало под капот ледяное шоссе: мелькало голубое, розовое, возникало сиреневое, и вдруг открывалась до горизонта глубокая зелень — темнела, сверкала, тянула за душу; потом зелень тонула сама в себе и снова

одевалась нежным — розовым. Это нельзя было назвать пейзажем! Встречаясь в книгах с описанием природы, я всегда видел невинное лукавство автора. («Да полно! Так ли уж было красиво?») Но эта дорога! Хотелось выйти и трогать ее рукой: неужели правда?

Правдой было и то, что думал Михаил: эта дорога завтра исчезнет. Пропадет, как не пропадают дороги нигде, потому что таких нигде нет, как нет и таких рек. Только здесь. Зелеными и синими шапками вздуются льды, шапки будут расти без единой трещины, тогда раздастся взрыв — фонтан воды упадет на лед и превратится в поток, он понесется по льду, шурша снегом, топя его: пар окутает воду. И мороз схватит ее новым льдом. Машины уже не пойдут по нему — провалятся до первого льда. И только потому, что таких ловушек пока мало, идем мы...

— Замечаешь наклон? — Михаил обернулся ко мне.

Я не видел.

— Я тоже сначала не видел. Машина заметила. Когда назад ехал. Градусов так пять-семь. По всей Индигирке. Теперь я и глазами вижу. — Он оставил мне время поуdivляться. — А вот километров двести отсюда есть, говорят, порог. Так по нему ни одна машина не влезет. Вот это река!

Трудно сказать, было ли это восхищение или чуть суеверная похвала красоте, которая в любую минуту может стать западной. По крайней мере он добавил:

— Если б не алмазы или там золото — не поднимать этот край. Никакой пропорции бы не было. Без выгоды. А так в некоторых странах ведь нет этого. — И будто забыл начатое, заговорил интригующе: — В шахтах ящериц находят. По тыщам, что ли, лет. Оживет на глазах прямо, поползает немного — и дуба режет. Не может, значит, жить. Неспособна.

В последнем слове была радостная успокоенность: слишком было б дико, если б не «резала»: оживет такая — чуть ли не из ледникового периода! — потом разбирайся с ней, что она помнит. Лучше уж пусть «режет». Спокойней.

Мы ехали уже с час, и все было хорошо.

— А ведь есть, наверно, где-то золотые планеты. Должны быть! Тут, у нас, и то встречаются... большие куски.

Он затормозил резко. Я схватился за ручку дверцы. Но тут же устыдился. Просто впереди стоял бульдозер. Это была не задержка, просили ведро бензина.

— Полведра дам, — нетвердо сказал Михаил. — Хватит, заведется.

И дал ведро.

Уж отъезжали.

— Если грустно будет, — крикнул он бульдозеристу, — погожу вас!

— Да. Пиши тогда.

И опять я думал о реке. Я видел эти иглы на магаданской трассе: по краю ее громадными кораллами стояли серо-белые снега. Они были развернуты точно к тому месту неба, где должно быть полуденное солнце, самое жаркое; иглы их смотрели в одну сторону, как мириады холодных, но любящих солнце растений. Промежутки меж иглами выжгло солнце — там, в этих промежутках, когда снег еще был нетронутым, лежали пылинки, крошечные веточки, семена — солнце словно вдавливало их, и они буравили снег своим жаром, уходили вглубь, оставляя рядом иглы снега. Так бу-

дет и со льдом Индигирки. Если потом на него упасть — иглы провалятся, и на льду останется зиять форма упавшего, вся точная, до мелочей...

В кабине стало тревожно, но я не понимал почему. Оказывается — я уж давно не смотрел вперед! — дорог перед нами стало несколько. Фургон шел медленней, и чувствовалось, как он тяжел. Михаил выбирал колею, переползая с одной на другую. Чем они отличались? Я понял: теперь уж ни он, ни я не сможем ни о чем больше думать. Только о дороге.

— А грустно нам все же, кажется, будет, — он увидел первую наледь. Выдернул из-под моих ног пешню, и мы пошли по льду. В трех шагах от машины он ударил пешней в лед. Отколотый лед был даже не белым, а болезненно-бледным, мягким. Пешня вошла в него и погружалась быстро, потом ткнулась в первый слой льда. Вода хлопнула и засочилась.

— Это еще годится, — сказал он.

Так мы шли до берега, и он ударял пешней. Колея выскочила на полку (так называют здесь косу) — лед на полке был перемешан со щербем и был сухой. Мы вернулись. Михаил откинулся на сиденье и уже не глядел на меня.

— Шевелить надо на третьей, а то сядем. — И не «шевелил», сидел. Но сколько ж можно? Он рванулся к баранке, почти припал.

Я видел, как под колеса ползет то место с тонким льдом. Оно все надвигалось... Двигаться к нему надо было быстрее, и не хотелось этого. Но фургон уже толкал нас вперед. Где-то сзади хрустнул, как раздавленное стекло, лед — и выскочили на полку! Колея шла в громадных камнях. Колеса залезали на них, дрожа, и не скатывались, а сваливались с них, рушились под нами на землю. Фургон и кабина мотались как бы отдельно друг от друга, и, когда кабина уже кончала крен, фургон через сцепку толкал ее — она готова была опрокинуться. Но это уже был пустырь.

— Ты слышал? Как хрустнуло! — Михаил был счастлив. — Ведь провалялись... А я как рванул! Как жаль! Не видел я его лица там, на наледи!

И опять мы выбирали дороги. Давно уж не было той сказочной колеи. Все вокруг перемешалось. Где-то слева и сзади грохнул взрыв — одной зеленой шапкой на реке стало меньше, теперь из нее бил невидимый нам фонтан, как из кита. Я перегнулся к окошку Михаила: река до самых гор была вся застывшее движение: льдины влезли друг на друга в недавнем потоке и замерли; они искорежили сами себя и теперь застыли в нависящей жуть картине. Больше я не оглядывался. Мы возвращались в поисках колеи и снова ползли вперед. Михаил стал угрюмым.

Так мы уперлись в новую наледь. То был целый разлив. На мертвенно-синем льду вода лежала недвижно и серо.

— Вот где Зимний-то штурмовать, — буркнул он.

Мы вышли, и я услышал, что все вокруг не молчало. Хлопали сапоги Михаила (он лез по льдинам с пешней и соскальзывал в воду), и вся река змеино шуршала и похрустывала льдинами. Тем жутче был этот постоянный, шевелящийся над рекой звук, чем больше я вглядывался в новое шуршание: там все было недвижно; и новый хруст — я опять вскидывал голову, но видел все то же: застывшую жуть. Михаил вернулся, сунул мне пешню.

— На, буня. Проверь до воды, а я гляну другую дорогу.

Это было точное слово — «бунить»: лед отвечал пешне бу-бу-бу — значит, он был тонок, под ним была вода и другой слой льда. Я бунил, пока не нащупал подход к воде. Но Михаил медлил: он ждал бульдозер и не знал, догонит ли он нас когда-нибудь.

— Три года назад повез я якутам в Оймякон соль. Первый раз поехал. На перевале сел. Снег валит, моро-о-оз — в кабине не усидишь. Да и чего сидеть? Оставил мотор включенным, пошел за два перевала. Иду, иду — встану; сниму шапку — прислушиваюсь... И слышу — гудит! А может, нет, думаю. Опять иду, опять шапку скину, и кручусь: вроде не сам себе представляю — правда гудит. Оказалось точно — трактор.

Михаил так успокаивает себя. Собственного расказа ему хватает для смелости.

— Ну ладно, — решает он наконец. — Пошли.

Мы рванули по проходу к разливу. И зашипела вода — наматывалась на колеса. Я поджал ноги — казалось, хлынет сейчас в кабину. И опять я не взглянул на него. Оглянувшись — уж поздно! Лицо его было спокойным: большие брови торчали пучком, рот полуоткрыт — когда он сосредоточен, но еще не видит в себе решения, губы его раскрыты, как у ребенка, большого и рассудительного. Какое ж у него лицо, когда совсем страшно?

...Если мы прошли разлив, то у Софронова прижима вышли к «морю». Даже мерять его не имело смысла. Пухлые губы Михаила опять раскрылись.

— А почему называется так, Софронов прижим? — И я показал на скалу: Индигирка прижималась к ее боку льдами, а со скалы готовы были сорваться лиственницы — крайние стояли наклонно; они не долетели бы до нас, некоторые торчали уже во льду под скалой, обняв лед перепитыми лапами.

— Да был, говорят, такой человек. — Я видел, как рад он был отвечать, рад медлить. — Жил он там. Наверху. Софроном звали. — Тянуть дальше было некуда, Михаил, видно, не знал истории. — А так кто ж его знает? Просто хороший был, наверно, человек...

Странно, но мне этого хватило. Хватало же этого объяснения Михаилу, всю жизнь хватало. Просто хороший человек, и все! И еще я верил уже, что мы не вернемся — дойдем до прииска. И я увижу на последней наледи лицо Михаила: оно будет растерянным, мягким — готовым собраться в любую гримасу, даже самую жуткую. Пусть это глупо, но, увидев его таким, мне не захочется уходить от него: из его машины, жизни; уходить, побыв в ней каких-то четыре часа! Я буду стоять посреди поселка на прииске, место будет незнакомым, но не захочется оглядывать его — успею! «Приехать за тысячи верст! Увидеть человека! Взять у него задаток простой, человеческой дружбы — и дать свой! И больше не видеть его никогда... Ведь это придумано насчет «горы с горой» — просто ловко придумано!» — так буду думать я, стоя посреди дороги, и продолжая думать так до сих пор.

«ЗОЛОТО! ЧЕГО Ж ВЫ?»

Я сидел, прижавшись спиной к крепи. Крепь казалась теплой, потому что все здесь вобрало в себя холод земли, и только дерево еще не сда-

вадось. Темнота шахты чуть подсвечивалась вдалеке, но это не мешало ей быть ровной и густой: это был вечный цвет земли, ее нутра.

Я вспомнил соседний штрек, удививший меня, — уже отработанный, чистый, как пол в доме. Последней операцией в шахте было подметание земли — начисто, до камушка! — чтобы не пропала даже золотая пыль...

И тут я пренебрег логикой. Потому что эти двое, сидевшие со мной, кончили перекур и подошли к своим молоткам. Через минуту свет вокруг них не то что померк (им подсвечивал маленький прожектор), но потускнел и стал раскачиваться. Хотя раскачивался, конечно, не свет, а пыль, вырванная сверлами из породы. Двое плыли в ней, как в тумане, с темнотой, наседавшей им на спины. Они били шпурсы. И тут я почему-то с улыбкой подумал: «Полезут они завтра на столб или нет?»

Дело в том, что завтра на приiske праздник — провожают зиму. Она еще не собирается уходить; небо по ночам светлое — обещает в апреле морозы, но в кузнице уже гнули из листового железа мангалы и мясо уже ночь как отмачивалось в уксусе (горный мастер был грузин и понимал дело); а в поселок привезли столб — шестиметровую со спиленными сучками лесину. По старательской традиции лесину вкапывали на ровном месте, крепили и обливали водой, вода подмерзала — все было готово, можно лезть; наверху удачника ждали сапоги...

Полезут ли эти парни — я не знал, да и смешно было решать это сейчас. Пыль все так же клубилась вокруг них желтым, а они наседали на молоты всем телом, так что все тряслось в них, будто не было под робами жестких тел, а были одни эти робы: казалось, они даже не напирали на молот, похожий на странно длинный и высокий ручной пулемет, а просто висели на нем, чтобы только сдерживать его, и дрожали, дрожали... Взрывник уже готовил аммонал. Скоро и эта стенка должна отлететь в сторону. Тогда транспортер вынесет породу через ствол — в тайгу, до полой воды...

Я пошел к запасному выходу, так было ближе. В одном месте поднял фонарь и осветил пласт. Не потому, что не терял надежды найти самородок (хотя многие-то находят!), просто хотел разглядеть эту землю, которую за поворотом уже рвали патронами. Иней белесыми иглами обметал породу; должно быть, это было дно реки: сначала в пласте шли крупные валуны, потом галька — все мельче, мельче... Это и был самый золотоносный слой: полметра — вверх, полметра — вниз. Золота, разумеется, не было видно. Камни!

Я стоял, замороженный мерзлотой. Глядеть на нее можно было бесконечно, как на ту гору породы, что была наверху у ствола шахты. Там, на верхушке громадной горы, урчал бульдозер. Он был почти в небе. Он пятился и опять подбирался к краю — ссыпал породу, чтобы она не забила ствол шахты: журавль ствола из свежего желтого дерева подсыпал на гору все новые порции. И вся эта гора была золото. Семь граммов в кубе, не меньше!

Но об этом точно знали только геологи. В домышку, что рядом со стволом, они носили из-под земли породу со всех участков. Угол домышки уже был забит мешками. Надо было промыть все это, проверить на золото.

Породу из мешков высыпала понемногу на лоток Иры, тоже геолог, и подавала на край чана

пожилой женщине. Та обмывала в чане камни и сбрасывала их в большой бак на полу; в лотке оставался шлик, и Ира уже в него снова досыпала новую порцию камней. Над чаном клубился пар, воду грели. Здесь пахло шахтой, нутром земли — это был запах оттаявшей породы, холодный и сумрачный. Насыпать лоток... Подать на край... Снова насыпать... И так десять раз.

Потом Ира брала лоток и не прижимала его к себе — он уже был легкий (не тот, что с булыжниками, когда его надо было подавать на край!) — и шла в сторонку, к маленькому корытцу, тоже с водой, — доводить шлик. Она опускала лоток в воду, держа его бережно, но прочно, — лоток захлестывала вода. Но Ира тут же вынимала его, и, держа на плаву — только чтобы не переворачивался сам, — наклоняла его плоский передок; теперь уж быстро наклоняла — чтобы вода только забегала, перехлестнулась через край, но не уходила тем же путем (иначе ушло бы золото!); вода утекала через верх, в самой высокой серединке лотка: через руки Иры, покрасневшие и обветренные. И были эти руки — вспухшие и красные! — какими-то чужими в ней. Потому что выше, там, где рукав закрывал их, руки, должно быть, были прекрасны. Да и вся она, чуть склоненная и легкая, казалось, не имела отношения ко всему, что было здесь, в этой домышке: к сыро клубящемуся пару, к чану, печкам, камням. Только, пожалуй, к окошку со светом, что было единственным здесь, она и могла идти...

Она вскинула лоток на край корытца и смахнула верхние камни. Придержала один рукой, но не остановила руку, а так в движении и смахнула камень в корытце — успела разглядеть: не самородок! Нет!.. И опять чуть черпнула воды лотком и не выпустила воду потоком, а тоненькой усталой струйкой. И столько было в каждом движении уменья — того трудного уменья, что велит человеку быть жестким в работе (иначе разучишься!), и рядом с ним столько мягкости, что делала эту жесткость терпимой и нужной, что я вздрогнул... Странное сравнение пришло мне: так купают детей...

Лоток все плескался в воде, а я вдруг услышал голос той пожилой женщины, что стояла у чана.

— Да не бери ты! А ну не трогай! — окрикнула она Иру, когда та шла к двухлудовому баку с камнями. Его надо было все время выносить из домышки, и часто. — А ну, мужики! Кто со мной?!

И «мужики» — геологи, заскочившие с мешками породы, шли к баку без ропота. «От этой не отвертись...»

И Иру я вдруг увидел. Как подходила она к чему-нибудь, что нужно было взять, — и останавливалась на то незаметное почти мгновение, которое нужно было ее телу, чтобы примериться, решиться: потому что сама она, своим сознанием, еще не знала, что можно ее телу и чего уже нельзя, а хотела-то делать все, но уже и прислушивалась к тому, что было внутри, и это-то мгновение — было все!

Я стоял, случайно ошарашенный тем, что увидел в словах и движениях этих людей.

— Золото! Чего ж вы? — Это был голос Иры. — Глядите! Вы ж хотели золото посмотреть...

Я словно очнулся. На дне лотка, в самой лунке, где дерево dna ворсилось размокшими волоконцами, лежали две золотишки: крохотные, желтые...

П. БАЗАРОВ

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИДЕВЯТЬ ГАЛАКТИК

— У вас много учеников. Есть среди них такие, которые именно в этом году закончили интересные работы?

— Можете познакомиться с исследованиями Э. Е. Хачиняна, М. А. Аранеляна, Р. Н. Шахбазян и С. Г. Исхударян, — ответил мне директор Бюраканской обсерватории академик В. А. Амбарцумян.

...Так началось мое „хождение за тридевять галактик“.

Древние верили, что звезды предсказывают судьбу. Они ее не предсказывают, но влияют на нашу жизнь сильнее, чем это кажется. Без них чернота ночи ничем не отличалась бы от черноты угольного мешка; они, как светильники, указывают мысли путь за пределы нашего замкнутого мира, освещают законы, по которым живет космос, и помогают понять, что же это такое — вселенная. В ее просторах мы ищем знания, а через них — могущество.

За последние годы в астрономии, астрофизике произошли события, которые история науки скорей всего сочтет поворотными. Представления о Большом Мире меняются сейчас буквально на наших глазах — и с фантастической быстротой.

Какие именно события и что они меняют? Начать придется издадала.

ВСПЫШКИ В ДАЛЕКОЙ ГАЛАКТИКЕ

— Это произошло случайно, — сказала Ромела Шахбазян, как бы отстраняя попытку приписать ей несуществующие заслуги.

В распахнутые окна движения нагретого воздуха изредка доносили запахи роз. Только птицы в ветвях деревьев спорили с полуденной тишиной. Предмет разговора — катастрофическая вспышка сверхновой звезды — выглядел среди этого солнечного спокойствия чем-то нереальным. Воображение спало. Воображению трудно было представить взрыв звезды, в огне которого Земля сгорела бы как пылинки.

Ромела протянула мне фотопластинку. Я не сразу отыскал на ней пятнышко размером чуть побольше макового зерна. Лупа увеличила изображение, и я увидел крохотного серого паучка — спиральную галактику NGC-2276. Все изображение этой галактики с ее десятками миллиардов слявшихся на фотопластинке солнц (и сколькими планетами?) уместилось бы на кончике ногтя. Но сверхновая была заметна — жирная точка в одной из спиралей галактики.

Все необычное привлекает внимание. Сверхновые звезды ультраобычны. Тусклая звездочка вдруг вспыхивает, и ее блеск затмевает яркость миллиардов других звезд. Это длится не более нескольких месяцев. Затем звезда исчезает, и на ее месте, как дым после взрыва, растекается, клубится туманность. Почему происходит эта грандиозная космическая катастрофа — неясно.

В достаточно спокойной, как еще недавно казалось, вселенной, где почти все звезды эволюционируют плавно и закономерно, где галактики подобны давним-давно сформировавшимся архипелагам, вспышки сверхновых были примерно тем же, чем был бы удар грома посреди ясного бюраканского полудня.

Ибо вспышки сверхновых редкость. Наблюдения и расчеты показывали, что в галактиках это событие должно происходить в среднем всего лишь однажды за 300—500 лет.

— Специально мы их не искали, — объясняет моя собеседница, — специально их мало кто ищет, — можно потратить годы и ничего не обнаружить. нас интересовали сверхассоциации...

(Мы еще вспомним это слово — «сверхассоциации».)

— ...На снимке галактики NGC-2276, сделанном в 1962 году, оказалось целых три сверхассоциации, так мы считали. Три яркие точки. Но когда через несколько лет снимок был повторен, одна точка исчезла. Та самая, на которую я обратила ваше внимание. Вот этот повторный снимок. Пусто! Но сверхассоциация за столь короткий срок погаснуть не могла. Значит, то была сверхновая.

— И после этого вы стали следить, не вспыхнет ли еще одна сверхновая...

— Она могла вспыхнуть и в двадцать втором веке... Фотографирование галактики продолжалось, но с иными целями. Мы (я работала вместе с Софьей Искусарьян) никак не ожидали, что в конце января этого года на снимках обнаружится вторая сверхновая, а еще через полтора месяца — третья! Правда, нам было известно, что средняя частота вспышек (одна сверхновая за триста лет) соблюдается не всегда. Есть несколько галактик, где вспышки следовали с интервалом в десятилетия. Но три сверхновые за шесть лет — такого еще никто не наблюдал...

ОДНО МГНОВЕНИЕ

Налетел обычный для окрестностей Еревана порыв ветра, и сад, дремавший за окном, ожил. Наклонились верхушки деревьев, качнулись ветви, затрепетали листья. На дорожке закружилась пыль. Потом все опять стихло, может быть, надолго.

Никого этот жаркий, ленивый день обмануть не мог. Все мы знаем, что такой вот день всего лишь краткое мгновение одного из состояний земной природы. Что за окном не всегда голубеет небо, как не всегда бушует и ураган; что природа живет интенсивной, разнообразной жизнью, блещет красками перемени, и вне этого подвижного многообразия всякое представление о ней обманчиво. Но для нас эта мысль самоочевидна прежде всего потому, что каждый видит смену дней и лет, а человечество — смену веков. Но будь у людей срок, измеряемый минутами, такой ли уж очевидной была бы эта мысль?

Обозримая ныне часть вселенной — Метагалактика существует не менее десяти миллиардов лет, а наблюдают ее астрономы фактически лет пятьдесят. Даже меньше. И за этот срок сфера поиска расширилась от пределов нашей Галактики до... Короче говоря, она расширилась более чем в тысячи раз. Это примерно то же самое, как если бы географы, вчера ограниченные Подмосковьем, сегодня знакомы бы уже со всем земным шаром. Ныне рука об руку работают второе и третье поколения внегалактических астрономов, а четвертого пока еще нет.

Что представляет собой этот новый мир, который они стараются понять? Его диаметр равнялся бы нескольким десяткам километров, если бы наше Солнце имело размеры... атома. Число звезд в Галактике, где мы обитаем, превышает сто миллиардов. Другие галактики, как правило, мельче, но их тоже миллиарды. Свет, который пробегает в секунду триста тысяч километров, добирается от них порой за сотни миллионов и более лет. На столь невообразимые величины наши чувства откликаются слабо, может быть, это и к лучшему. «Если бы автор, — пишет известный радиоастроном И. С. Шкловский, — в процессе... работы предавался философским размышлениям о чудовищности размеров Галактики... о ничтожности нашей маютки-планеты и собственного бытия и о прочих других не менее правильных предметах, работа... прекратилась бы автоматически».

Но это трудность, так сказать, духовного порядка. «Романтика ночей у телескопа», «экспедиция в просторы вселенной» имеют оборотную сторону. Это нервная работа, потому что успех нередко зависит от капризов неба. Стоит атмосфере чуть-чуть помутнеть, и на пластинках запечатлевается несопоставимый результат. Труд идет насмарку, нужно снимать заново, и нет никакой гарантии, что атмосфера снова не сотворит каверзы.

Разумеется, молодым астрономам повезло с открытием сверхновых. Но кроме того, что любое веление астронома — это не более чем плод упорного труда,

есть и еще одно обстоятельство, о котором стоит упомянуть.

— Когда был получен первый снимок галактики NGC-2276, — вспоминает Ромела Шахбазян, — то Виктор Амазаспович Амбарцумян сразу сказал: «Интересная галактика К ней надо присмотреться». У него, знаете ли, редкая интуиция... Вот почему мы так пристально следили за этой галактикой. И не зря, как видите. Возможно, что она отличается от всех прочих именно частотой вспышек сверхновых...

...Но хватит о сверхновых. Еще не пожелтели страницы книг, где говорилось о них как о самом грандиозном и бурном явлении вселенной. Еще вчера «космические взрывы» виделись случайной и экзотической деталью мироздания. Но то было вчера, точнее лет пять назад.

БУРНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

В 1947 году В. А. Амбарцумян сделал открытие, вызвавшее долгие споры. В то время считалось, что звезды сформировались давным-давно, и сформировались путем сгущения облаков космического газа. Правда, этого процесса никто не наблюдал, но земной опыт подсказывал очень наглядную аналогию: капельки воды, которые конденсируются из тумана.

Звездные ассоциации, открытые в нашей Галактике В. А. Амбарцумяном, столь же не соответствовали этой картине, как не гармонировал бы с репникскими бурлаками теплоход на подводных крыльях. Звездная ассоциация — это компактная группа однотипных звезд, с большими скоростями идущих вразлет, точно осколки взорвавшейся бомбы. Взрыв только что произошел, осколки не успели умчаться, но еще мгновение — и они будут далеко друг от друга. Получалось так, что звезды в ассоциациях возникли совсем недавно и благодаря взрыву.

Какому взрыву?! Взрыву чего? Никакая сверхновая такого эффекта дать не могла. А других «космических взрывов» во вселенной не отмечалось.

Очень все это было странно, но еще поразительней казалась тогда же выдвинутая В. А. Амбарцумяном гипотеза. Вот ее вольный пересказ: «В развитии вселенной огромную роль играют взрывные процессы невиданных энергий и масштабов, которых нам пока не удается наблюдать. Они вызваны переходом в новое состояние плотного или сверхплотного дозвездного вещества».

— Вам не кажется, что для обоснования такой гипотезы у вас маловато фактов? — спросил в те годы Виктор Амазасповича один крупный астроном.

— Когда фактов много, то и доказывать нечего, — ответил Амбарцумян.

Шло время. Ассоциации обнаруживались и в других галактиках. Среди них были более яркие, «населенные», крупные, так что их пришлось назвать уже сверхассоциациями (ими-то и занималась Ромела Шахбазян, когда набрела на уникальные вспышки сверхновых). Но сам Амбарцумян...

— Виктор Амазаспович тогда удивил нас, — вспоминает заместитель директора обсерватории Л. В. Мирзоян. — Сам он перестал заниматься ассоциациями, хотя там было еще много непонятого, и переключился на исследование ядер галактик...

Помолчав, Мирзоян добавил:
— Говорят, что у Виктора Амазасповича необыкновенная интуиция. Выдам один секрет: он, например, часами может изучать на снимке детали какой-нибудь галактики, где, казалось бы, нескольких минут достаточно, чтобы увидеть все, что в них скрыто. А ему двух-трех часов мало. Вот еще откуда берется у ученого интуиция...

(«Интуиция? — сказал, между прочим, сам Амбарцумян, когда в разговоре с ним я затронул эту тему. — Думаете, прозрение? Нет, нет. Предвидение основывается на умении анализировать факты. Надо учиться выбирать тот вариант, который имеет пусть не очень большой, но все же перевес над всеми другими».)

...Ядра галактик действительно преподнесли ученых сюрприз. Да еще какой! Считалось, что это всего-навсего плотное сгущение мирно и тихо блистающих звезд. И вдруг лет пять назад выяснилось, что ничего подобного! Все в новых и новых галактиках стало открываться, что их ядра — это клочущий, яростный взрыв материи, неиссякаемо длящийся невесть сколько времени! Даже спокойное ядро нашей Галактики (есть гораздо более бурные) выплескивает за год массу газа больше солнечной! И все это совершается в объеме, крохотном по масштабам даже видимой части вселенной.

Вот это уже решительно меняло картину мира. Взрывающиеся ядра галактик! Ядра, выбрасывающие в пространство невероятное количество вещества и энергии! Однако не успело улечься волнение, вызванное этим открытием, как обнаружили квазары. Это уже и вовсе выглядело фантастикой. На снимках квазары походили на звезды, но эти «звезды» излучали в десятки и сотни раз больше энергии, чем самые крупные галактики. Они светили, как триллионы солнц. Они не хотели вписываться ни в какие теории. Это было ни с чем не сообразное явление.

И потому возникло предположение, что квазары... обманывают астрономов.

НА ОКРАИНАХ ВИДИМОГО МИРА

Марат Арсенович Аракелян в объяснениях предпочитает язык формул.

— С квазарами все непросто, — говорит он, а рука привычно чертит на бумаге новый график. — Есть два варианта. Согласно первому квазары есть квазары со всеми теми беспокройствами, которые они доставляют теоретикам. По второму варианту все обстоит гораздо спокойней. Дело тут вот в чем...

Вот в чем тут дело. Чем больше скорость источника света, тем сильнее сдвигаются линии в его спектре излучения. Если допустить, что корабль летит с околосветовой скоростью, а на его корме горит зеленый фонарик, то мы увидим этот огонек уже не зеленым, а красным.

Астроном Хаббл в конце двадцатых годов установил, что галактикам присуще вот такое «красное смещение». Галактики разбегаются, и разбегаются закономерно: чем дальше галактика, тем сильнее ее «красное смещение».

Эта закономерность позволяет решать и обратную задачу: определять по «красному смещению» расстояние до объекта. Так был сформулирован закон Хаббла (чем выше «красное смещение» галактики, тем дальше она расположена). Но с квазарами получилось что-то невообразимое: «красное смещение» расположило многие из них гораздо дальше самых далеких галактик. Это-то и заставило допустить, что квазары намного ярче, мощнее любой галактики с ее миллиардами солнц.

Такой вывод поражающе воображение... и не укладывался в прокрустово ложе привычных представлений. Но быть может, квазары в отличие от галактик не подчиняются закону Хаббла? Быть может, их

«красное смещение» не связано с расстояниями? Если это так, тогда они просто заурядные звезды, расположенные, возможно, даже в нашей Галактике, но почему-то обладающие бешеными скоростями.

Далеки квазары или близки? Вопрос первостепенной важности! Если окраины Метагалактики заселены пылающими сверхэнергией сгустками вещества, а поблизости от нас они отсутствуют, значит юная Метагалактика разительно отличалась от современной. Ибо свет «далеких квазаров» (если они действительно далекие!) — это вестник, пустившийся в дорогу миллиарды лет назад, и сегодня он рассказывает нам о том, как выглядел мир, когда на Земле еще и жизни-то не было.

Марат Аракелян решил эту задачу оригинально, изобретя свой, чисто математический метод анализа расположения квазаров. В двух словах: если «красное смещение» квазаров подчиняется закону Хаббла, то в их расположении должен быть определенный порядок. Если не подчиняется, то оно хаотично. Оказалось, что в распоряжении квазаров порядок есть.

У меня срывается вопрос:

— Что ж помогло вам, именно вам, найти верный путь решения?

Ответ парадоксальный!

— Убеждение, что нельзя торопиться с объяснениями непонятных явлений. Ведь первое пришедшее на ум объяснение легче всего может оказаться поверхностным.

НОВАЯ КАРТИНА ВСЕЛЕННОЙ

Итак, квазары находятся далеко. Итак, квазары — это «самое-самое». Самое грандиозное, самое странное, самое... Что же это такое?

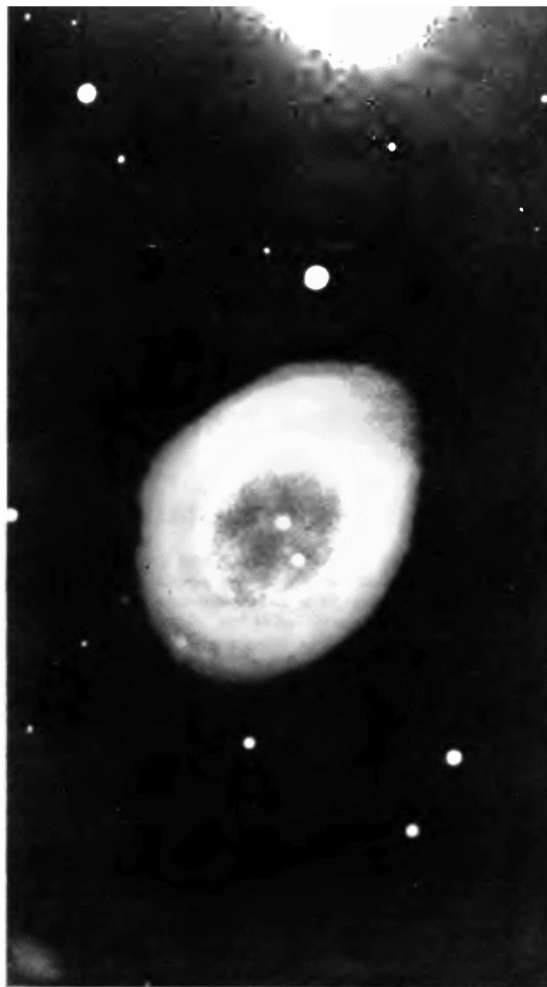
Год назад появилась статья члена-корреспондента АН Армянской ССР Б. Е. Маркаряна, в которой сообщалось об открытии нового типа галактик, которые в избытке излучают ультрафиолет.

Обнаружить эти галактики бюраканским астрономам помог уникальный прибор, которым не располагает ни одна обсерватория в мире, — гигантская объективная призма с поперечником, равным одному метру. Теперь надо было детально изучить спектры «ультрафиолетовых» галактик. Работу продолжил командированный в США Э. Хачикян. Он обнаружил среди «галактик Маркаряна» две так называемые «сейфертовские галактики». И оказалось, что они занимают промежуточное положение между обычными галактиками и квазарами! Промежуточное по яркости и по «красному смещению». А одна из них на снимке даже выглядела почти как квазар!

Значит, между квазарами и галактиками есть эволюционная связь? Да, так считали в Бюракане еще до наблюдений Хачикяна. И неспроста. Вот примерный ход рассуждений. Гипотеза В. А. Амбарцумяна о роли взрывных процессов и дозвездного вещества подтверждается, эти процессы проявляются и при возникновении ассоциаций, в жизнедеятельности галактических ядер. Причем активность некоторых ядер такова, что в пору предположить: быть может, галактики вышли и развились из них, как дерево из семени?

Если это так, тогда понятно, что такое квазары. Это ядра будущих галактик с еще не истраченной энергией. Это зародыши галактик.

Не столь уж дерзкое предположение, как может показаться! Сейчас не осталось сомнений, что галактики разбегаются и что, следовательно, когда-то они были расположены более компактно. Но это не был механический конгломерат галактик! Природе

чужда монотонная эволюция, в ней властвуют законы диалектики: в эпоху «до разбега» Метагалактика пребывала совершенно в ином, чем теперь, качественно отличном состоянии. То был сверхплотный сгусток материи, обладающий своими специфическими свойствами. Не газ, не жидкость, не твердое вещество, не плазма, а что-то совсем другое (только сейчас для ученых начинает проясняться физическая природа «праметагалактики»).

